

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА ПАРЦИАЛЬНОГО НЕПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

(на примере гонконгских и российских авторов)

Ю. А. Дрейзис

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5

Анализируется феномен неперевода в текстах поэтов-билингвов, которые осуществляют самоперевод на идиом доминирующей, «большой» традиции (путунхуа / русский). Неперевод реализуется в условиях усиленной языковой рефлексии его авторов и служит маркером особой аффективной связи с идиомом, находящимся в слабой позиции. Парадоксальным образом попытка расширения читательской аудитории за счет перевода на «большой» идиом в то же время опирается на стратегию неперевода. Неперевод захватывает наиболее содержательно нагруженные элементы стихотворения, которые служат в оригинале знаком инаковости соотносимой с текстом культурной традиции. В этом смысле неперевод носит перформативный характер, так как само его производство подчеркивает критически важное различие и размежевание языковых и культурных традиций.

Ключевые слова: *билингвизм, миноритарные языки, переводимость, самоперевод, тополект, эрзя, юэ*

Одной из важнейших проблем, сопровождающих любое теоретизирование о переводческом опыте начиная с самых ранних его образцов, служит проблема «переводимости». П. Рикёр в лекции «Парадигма перевода» предлагает «отбросить теоретическую альтернативу *переводимость / непереводимость* текста и заменить ее другой, вытекающей из самой практики перевода, то есть альтернативой *верность / неверность* (курсив в оригинале. — Ю.Д.) перевода своему источнику» (Рикёр, 1999). Однако «верность» оригиналу как стратегическая установка может основываться на очень разных тактиках, избираемых переводчиком.

Мы сконцентрируем внимание на специфической установке сознательного *неперевода* в поэтических текстах авторов-билингвов, используемой в самопереводе на доминантный идиом «большой» традиции. Такой перевод дает пример ситуации, когда интерпретационная задача преодоления чуждости сообщения решается парадоксальным образом за счет отказа от перевода как такового.

Большинству исследователей перевода известна концепция Л. Венути о том, что требование «незримости» переводчика часто заставляло бежать от оригинальности в стремлении к максимальной комфортности для читателя (Venuti, 1995). Фетишизация «оригинала» поддержи-



вала миф о невидимости переводчика. Из этого следует, что особый статус, предоставляемый и принимаемый переводчиком, который одновременно выступает автором оригинала, означает уникальность *самоперевода* (*self-translation*), где допустимым оказывается открытое проявление творчества и снимается оппозиция оригинал / перевод (Cordingley, 2013, p. 2).

Само то, что перевод осуществляется на «внешний», доминантный идиом, становится попыткой привлечь внимание к существованию «малого», пребывающего в тени «большого», в условиях отсутствия его активной поддержки на уровне государства — особенно когда такой идиом используется в основном лишь в двух сферах: устно-бытовой и художественно-публицистической. Мы наблюдаем такую ситуацию, например, в современной литературе на рюкюских языках, которая опирается на миноритарный идиом в противостоянии господству материковой японской культуры, языка, исторических нарративов и идентичности (Gibeau, 2013). Так, М. Жибо, анализируя использование писателями самоперевода, утверждает, что их произведения функционируют на перформативном уровне — рюкюские авторы привносят в тексты «стратегическую непрозрачность», чтобы заявить о существовании особой рюкюской идентичности.

Нередки случаи, когда двуязычные люди лучше знают один идиом, однако ощущают более крепкую аффективную привязанность к другому, который считают родным (Romaine, 1995, p. 22). *Неперевод* — это своего рода протест против смещения в сторону доминирования стандарта и стремительного сжатия пространства употребления того идиома, который оказывается в слабой позиции.

1

Рассмотрим в качестве примера поэтический «неперевод», реализуемый при самопереводе на нормативный китайский язык *путунхуа* 普通话 (НКЯ) с тополекта¹ юэ гонконгскими двуязычными авторами, для которых юэ является родным идиомом, а НКЯ — усвоенным через обучение.

Общее число носителей юэ оценивается в 68 млн, что выводит юэ на первое место по числу носителей среди всех тополектов Большого Китая (У Вэй, 2007, с. 167). Идиомы юэ при этом непонятны носителям других тополектов (Mair, 2009), а также тем, кто владеет только НКЯ. Несмотря на разнообразные попытки ограничения употребления юэ, начиная примерно с середины 2010-х годов мы наблюдаем неуклонный рост числа публикаций литературных текстов на тополекте: преобладает проза, но стихотворных текстов также становится все больше.

¹ Здесь и далее термин «тополект» используется в качестве обозначения репрезентативного идиома для каждого пучка близких диалектов, составляющих более крупные региональные разновидности языка синитической языковой семьи. Использование такого термина, как «тополект», позволяет избежать любых пейоративных коннотаций, подразумевающих, что некая разновидность играет социально низкую роль и не является полностью автономной (Дрейзис, 2022).



Примером новейших текстов на юэ может служить стихотворение Чжоу Ханьхуэя (Чау Хоньфая / Джейсона Чоу 周漢輝, 1979—) «Ода городскому коту» (*Син мау чун / Чэн мао сун 城貓頌*, 2014)². Приведем текст полностью с дословным переводом и небольшим комментарием³ (Редотдел журнала «Цзы хуа», 2014):

- | | |
|------------------------|---|
| (1) 燈火瞭起成個城市，黑貓 | dang ¹ fo ² long ⁶ hei ² sing ⁴ go ³ sing ⁴ si ⁵ ,
hak ¹ maau ¹ |
| (2) 撻喺草地，望得見自己爬緊上樓 | taat ³ hai ² cou ² dei ⁶ , mong ⁶ dak ¹ gin ³ zi ⁶ gei ²
paa ⁴ gan ² soeng ⁵ lau ⁴ |
| (3) 魚骨天線企埋身邊，一齊望落公園 | jyu ⁴ gwat ¹ tin ¹ sin ³ kei ⁵ maai ⁴ san ¹ bin ¹ ,
jat ¹ cai ⁴ mong ⁶ lok ⁶ gung ¹ ljyun ² |
| (4) 完咗應該行嘅路。啲鞋印 | jyun ⁴ zo ² jing ¹ goi ¹ hang ⁴ ge ³ lou ⁶ . di ¹
haai ⁴ jan ³ |
| (5) 界皮毛逐個逐個消化，先至撐得起 | bei ³ pei ⁴ mou ⁴ zuk ⁶ go ³ zuk ⁶ go ³ siu ¹ faa ³ ,
sin ¹ zi ³ caang ¹ dak ¹ hei ² |
| (6) 後生仔返屋企，老實貓咗鬧佢陰質又郁手 | hau ⁶ saang ¹ zai ² faan ¹ uk ¹ kei ² , lou ⁵ dau ⁶ maau ¹
zo ² naau ⁶ keoi ⁴ jam ¹ zat ¹ jau ⁶ juk ¹ sau ² |
| (7) 一係當佢死，倒塔咁早起身，打份牛工 | jat ¹ hai ⁶ dong ¹ keoi ⁴ sei ² , dou ² taap ³ gam ³ zou ²
hei ² san ¹ , daa ² fan ⁶ ngau ⁴ gung ¹ |
| (8) 放工耐唔耐去買酒，匿上啲天橋自隊 | fong ³ gung ¹ noi ⁶ m ⁴ noi ² heoi ³ maai ⁵ zau ² ,
nik ¹ soeng ⁵ di ¹ tin ¹ kiu ⁴ zi ⁶ deoi ⁶ |
| (9) 匿到呢晚。嗰晚有隻貓摸黑出世 | nik ¹ dou ³ nei ⁴ maan ⁵ . go ² maan ⁵ jau ⁵ zek ³
mo ² hak ¹ ceot ¹ sai ³ |
| (10) 枕住唔見得光咁流，好似主動去搵 | zam ² zyu ⁶ m ⁴ gin ³ dak ¹ gwong ¹ gam ³ lau ⁴ ,
hou ² ci ⁵ zyu ² dung ⁶ heoi ³ wan ² |
| (11) 無跳橋嘅醉貓，件事之後返到天台 | mou ⁴ tiu ³ kiu ⁴ koi ³ zeoi ³ maau ¹ , gin ⁶ si ⁶
zi ¹ hau ⁶ faan ² dou ³ tin ¹ toi ⁴ |
| (12) 燈火瞭起成個城市，魚骨天線 | dang ¹ fo ² long ⁶ hei ² sing ⁴ go ³ sing ⁴ si ⁵ ,
jyu ⁴ gwat ¹ tin ¹ sin ³ |
| (13) 同個貓腦，梗搞唔明白有咩野啦愣： | tung ⁴ go ³ maau ¹ nou ⁵ , gang ² gaau ² m ⁴ ming ⁴
baak ⁶ jau ⁵ me ¹ je ⁵ laa ¹ lang ³ : |
| (14) 嘔啖血，有多盞燈著，暗啞底咁樣 | au ² daam ⁶ hyut ³ , jau ⁵ do ¹ zaan ² dang ¹
zoek ³ , am ³ aa ² dai ² gam ² joeng ² |

- (1) свет огней заливаает весь город, черный кот
 (2) ударяется о траву, видит себя забирающимся на здание
 (3) елочные антенны выставлены рядом, вместе [они] глядят вниз на парк
 (4) завершивший путь что должно пройти. отпечатки обуви
 (5) растворяются один за одним один за одним волосками на шкуре, только так можно вынести [это]
 (6) мальчик возвращается домой, отец пьян бузит пакостит дерется

² Все юэские термины и названия приводятся сначала в транскрипции на основании проекта практической транскрипции ИЯ РАН (<https://iling-ran.ru/langworld/transcript/canton.shtml>, авторы — Д. Н. Шакура и Ю. Б. Коряков) для кантонского и в стандартной кириллической системе Палладия для НКЯ (пунхуа).

³ Жирным выделена юэская лексика; подробнее о других видах выделения см. ниже.



- (7) относится к нему как к мертвому, [он] спозаранку поднимается, идет тянуть
свою ляжку
- (8) после работы иногда покупает выпивку, прячется в надземных переходах пьет
в одиночестве
- (9) до самого конца вечера. этим вечером во тьме на свет появляется кот
- (10) неизменно не видящий как течет свет, словно сам собой ищущий
- (11) пьянчуга что не спрыгивают с мостов, после всего возвращается на крышу
- (12) свет огней заливает весь город, елочные антенны
- (13) как и сознание kota, конечно не в силах понять что тут за связь:
- (14) сплюнь кровь, сколько огней зажжено, втихую так⁴

Процент явно юэской лексики в этом тексте достигает 41 % — это самый высокий показатель не только у современных авторов, пишущих на юэ, но и за всю историю письменного юэ в принципе.

Лексический фактор крайне важен, так как из-за функциональных особенностей китайской письменности, ее ослабленной связи с устной реализацией и преобладания «смешанного» кода (или стиля) письма у юэязычных авторов (Snow, 2004, p. 60–61) именно лексика служит надежным маркером отличия юэ от НКЯ. Как и в случае других синитических тополектов, трудно точно определить, насколько лексически различаются юэ и НКЯ — общие оценки варьируют от 30 до 50 %. Более точная, основанная на корпусном исследовании оценка, данная Оуян Цзюэя, состоит в том, что около трети лексических единиц, используемых в обыденной речи на юэ, не встречаются в НКЯ (Оуян Цзюэя, 1993, с. 23). Когда процент явно юэской лексики приближается к диапазону в 30+ %, имеет смысл говорить о приближении к порогу, типичному для нормальной разговорной речи на юэ.

Если письменный текст включает в себя столько же маркированно юэских единиц, что и разговорная речь, то он становится очень трудным для чтения — для тех, кто владеет только НКЯ. Именно поэтому мы сконцентрируемся на лексических особенностях самоперевода представленного выше текста.

Существует авторский перевод «Оды городскому коту» на НКЯ, опубликованный в сети Интернет. Приведем его с нормативным чтением, переданным по системе пиньинь 拼音, а также подстрочным переводом (жирным выделены расхождения с оригиналом):

- | | |
|---------------------|--|
| (1) 燈火浮承一座城市，黑貓 | dēnghuǒ fúchéng yī zuò chéngshì, hēi māo |
| (2) 倒在草地，仰見自己爬上樓身 | dào zài cǎodì, yǎngjiàn zìjǐ páshàng lóushēn |
| (3) 魚骨天線陪立，一起俯視公園 | yúgǔtiānxiàn péilì, yìqǐ fǔshì gōngyuán |
| (4) 終結了該走的路。鞋印 | zhōngjiéle gāi zǒu de lù. xié yìn |
| (5) 給皮毛一一消化，才得支撐 | gěi pí máo yīyī xiāohuà, cái dé zhīchēng |
| (6) 年輕人返家，面對醉父的打罵 | niánqīng rén fǎn jiā, miànduì zuì fù de dǎmà |
| (7) 或冷待，破曉前起行，幹粗活 | huò lěngdài, pòxiǎo qián qǐxíng, gàn cūhuó |
| (8) 下班也學著喝酒，卻流連大小天橋 | xiàbān yě xuézhè hējiǔ, què liúlián |
| | dàxiǎo tiānqiáo |

⁴ Текст приводится в оригинальной записи, а также латинизированным по ютпхин 粵拼 (система латинизации кантонского, разработанная в 1993 году специалистами Лингвистического общества Гонконга) и, наконец, в дословном переводе (знаки препинания расставлены в соответствии с оригиналом).



- (9) 行經這夜。那夜有貓生自黑暗高處
xíngjīng zhè yè. nà yè yǒu māo shēngzì
hēi'àn gāochù
- (10) 總背著日光流浪，像為主動迎找
zǒng bèizhe rìguāng liúlàng, xiàng wèi
zhúdòng yíngzhǎo
- (11) 橋上的醉人，事成後回到天台
qiáoshàng de zuìrén, shìchéng hòu
huídào tiāntái
- (12) 燈火浮承一座城市，魚骨天線
dēnghuǒ fúchéng yī zuò chéngshì,
yúgǔtiānxiàn
- (13) 及貓腦，無從明白有何關係：
jí māo nǎo, wú cóng míngbái yǒu hé guānxi:
- (14) 咯一口血，亮一盞燈，暗暗地
gē yī kǒu xuè, liàng yī zhǎn dēng, àn'àndì

- (1) свет огней плывет вмещающая некий город, черный кот
(2) падает на траву, запрокинув голову, видит себя забирающимися на здание
(3) елочные антенны выставлены рядом, вместе [они] глядят вниз на парк
(4) завершивший путь что должно пройти. отпечатки обуви
(5) растворяются один за одним волосками на шкуре, только так можно вынести [это]
(6) молодой человек возвращается домой, сталкивается с побоями и руганью пьяного отца
(7) или холодным приемом, [он] спозаранку поднимается, идет тянуть свою лямку
(8) после работы приучается пить алкоголь, таскается по большим и малым надземным переходам
(9) таскается всю эту ночь. той ночью из выси тьмы на свет появляется кот
(10) неизменно повернутый прочь от кочующего света, словно сам собой ищущий
(11) пьянчуг на мостах, после всего возвращается на крышу
(12) свет огней плывет вмещающая город, елочные антенны
(13) как и сознание кота, не в силах понять что тут за связь:
(14) сплюнуть полный рот крови, зажечь свет, втемную

Даже беглый взгляд на текст стихотворения позволяет заметить, что две его версии показывают следующие расхождения:

а) пропуск отдельных лексем во вторичной, производной, версии на НКЯ, ср. 無跳橋嘅醉貓 *моу тхиукхиу кхой чеймау* 'пьянчуг что не спрыгивают с мостов' vs 橋上的醉人 *цяо шан дэ цзуйжэнь* 'пьянчуг на мостах'; 啲鞋印 *ти хайянь* '[эти] отпечатки обуви' (показатель определенности в НКЯ опущен);

б) выбор в переводе подчеркнуто литературных элементов, восходящих к классическому китайскому языку (*вэньяню* 文言) и отсутствующих в разговорной норме НКЯ (выше в полном тексте на НКЯ выделены рамкой): 年輕人返家 *няньцинжэнь фань цзя* 'молодой человек возвращается домой' (выбрано слово 返 *фань* вместо более естественного и нейтрального 回 *хуэй* с тем же значением); 破曉前起行 *посяо цян цисин* 'спозаранку поднимается / выступает в путь' (выбрано литературное 起行 *цисин* вместо опять-таки более нейтрального 動身 *дуниэнь* или 出發 *чифа*);

в) «перевод», полностью изменяющий структуру оригинала (в оригинальном тексте отмечен подчеркиванием): 老竇貓咗鬧佢陰質又郁手 *лоутау маучо нау кхей ямчат яу юксау* 'отец пьян бузит пакостит дерется' vs 面對醉父的打罵 *мяньдуй цзуйфу дэ дама* 'сталкивается с побоями и руганью пьяного отца'; 有多盞燈著，暗啞底咁樣 *яу то чань тан чек, аматай камьен* 'сколько огней зажжено, втихую так' vs 亮一盞燈，暗暗地 *лян и чжань дэн, аньянди* 'зажечь свет, втемную'.



Парциальный неперевод захватывает исключительно юэскую лексику. Он не затрагивает форму ритмической структуры текста или другие аспекты его организации. Там, где возникает расхождение на уровне выбора синтаксической конструкции, логика ее выбора тоже лексическая, и главным двигателем выстраивания той или иной конструкции служат модели управления юэских лексем.

По выражению Х.-Г. Гадамера, «язык, как здоровье, невидим (Хайдеггер сказал бы “неприметен”), пока на нем не сконцентрируешь свое внимание» (цит. по: (Palmer, 2000, p. 381)). В практике *неперевода* через рефлексию над языком обнажается особый языковой статус юэ, который становится языковым габитусом жителей Гонконга и маркером гонконгской самобытности.

Исследование, проведенное в 2009 году, фиксирует срез представленный поколения, выросшего в Гонконге после смены суверенитета: большинство информантов сохраняют сильную локальную идентичность, и лишь небольшой процент демонстрирует идентификацию с «большой» китайской нацией (Mee Ling Lai, 2011). Мы наблюдаем тенденцию к упрочению положения тополекта (юэ) на территории специального административного района. *Неперевод* парадоксальным образом высвечивает особое положение юэ в условиях «трехъязычия» (*trilingualism*) — «закрытость» юэского текста становится маркером его социального (воз)действия и силы аффективного ассоциирования с ним, особенно учитывая ситуацию самоперевода, характеризующегося усилением языковой рефлексии. При этом самоперевод как таковой оказывается для юэской поэзии скорее исключением, чем правилом, и в этом смысле продолжением той же стратегии «огораживания» юэской традиции становится и практика *неперевода*.

2

В современной поэзии, создаваемой на языках «малых» народов России, ситуация самоперевода так же, как и для юэ в Китае, оказывается не столь распространенной. Как показала серия микроинтервью с поэтами, тексты которых вошли в антологию «Современная литература народов России: Поэзия» (2019), большинство двуязычных авторов (например, владеющих парой чувашский / русский) пишут либо на родном идиоме, либо сразу на русском, минуя этап самоперевода. Как отмечает поэт Мария Карягина, граница между идиомами при этом не является непроницаемой: часто стихи пишутся то по-чувашски, то по-русски одними и теми же авторами⁵.

Материалом для анализа практики самоперевода на русский язык послужили произведения авторов-билингвов, пишущих на эрзя. В традиции эрзянской поэзии самоперевод встречается не чаще, чем в других традициях на уральских или алтайских языках. Однако наше внимание привлекла именно эрзянская литература, так как отмечается, что в эрзя преобладают заимствования из русского языка (Ситдииков, 2008, с. 16), а сам идиом распадается на ряд диалектов и смешанных говоров,

⁵ В интервью автору статьи.



локализованных в различных районах проживания эрзя и мокшан. При этом эрзянский (самоназвание — *эрзянь кель*) — один из трех государственных языков Республики Мордовия. Языковая ситуация такого типа напоминает ситуацию с юэ: искомый идиом не лишен официально-го статуса, но при этом его положение неустойчиво⁶; идиом сильно дифференцирован локально, но не лишен стихийно сложившегося представления о стандарте; этот стандарт подвержен сильному влиянию доминантного идиома.

Современные поэтические тексты на эрзя и юэ — это феномен XX века. В 1920 году в Ульяновске (Симбирске) начинает издаваться эрзянская газета «Чинь стямо» («Восход солнца»). Непериодическая литература возникает лишь с 1922 года. Сегодня движение эрзянской поэзии определяют прежде всего воспитанницы творческой мастерской поэта Николая Ишуткина — Мария Еремина, Татьяна Мокшанова, Алина Подгорнова, Людмила Рябова (Портал национальных литератур, 2022). Их произведения переводились на русский, английский и некоторые финно-угорские языки.

Как отмечает Людмила Рябова, самым сложным аспектом для перевода выступает ритмический рисунок оригинального эрзянского текста⁷. Как трансформируется текст при самопереводе? По словам Алины Подгорновой, поэту удается или сохранить форму, но потерять в содержательном отношении, или передать содержание, но изменить форму оригинала⁸. Большинство эрзянских поэтов говорят, что не настолько хорошо владеют русским языком, чтобы писать на нем или переводить на него, пусть даже собственные стихи. Поэтому самопереводы публикуются редко.

Обратимся в качестве примера к стихотворению Алины Подгорновой (1991 —). Приведем текст оригинала и авторский подстрочник⁹:

*Монень те кизэсь арсесь улемс шумбракс
Ды мекев мурдась
Се энксонтьень, косо а пракинить лопат,
Ды атак тока
Лиялить цецянтне паксява-кува;
Ковось прок куво,
Порнезь-сусконезь тусто чоподасонть,
Ды атак максо
Лембесь якишамо телентень пандомга,
Ды ниле енга,
Козонь а варшитат чаракавтось прясот,
Несак, редясак
Удомадо а арсиця пертьпельксэнтъ —*

Мне это лето пожелало быть здоровой
И вернулось обратно
В тот край, где не опадают листья
И нетронутыми
Остаются цветы в полях-где [прочих местах];
Луна — как горбушка,
Обгрызена-искусана густой темнотой,
И не отдано
Тепло холодной зиме в уплату,
И со всех четырех сторон,
Куда ни повернешь закружившуюся
голову,
Увидишь, заметишь
О сне не думающую природу —

⁶ Несмотря на несопоставимое число носителей (68 млн для юэ и 300 тыс. для эрзя, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), оба идиома испытывают давление со стороны доминирующего стандарта.

⁷ В интервью автору статьи.

⁸ В интервью автору статьи.

⁹ Автор статьи выражает искреннюю благодарность поэту за неоценимую помощь в исследовании и любезно предоставленный дословный перевод.



<p>Ды тесэ несак Седейс кундыця казямо ильведьксэнтъ – Истя а эрси. Иентъ нурыка, аволь вейкетъ пельксэнэ – Те ансяк палят, Сынъ калавтомс кувать а сатныть тензэ, Эрявкшныть каямс. Секскак, лисни, кизэсь мартон эзь простне, Те истя марявьс, Кода иесь ожо палянзо чочни, Пиженэ каязь. Ды седей вити туюсонъ полавтомась – Модань артомась, Прок артыцясь коцтонзо вельксэс комась, Ды весемесь, мезесь капишась ды стомась – Лоткавьс ды оймась.</p>	<p>И здесь увидишь Хватающую за сердце жестокую ошибку – Так не бывает. Года короткие, неодинаковые части – Это только рубахи, Их изнашивать долго не удастся ему, Приходится снимать. Поэтому, выходит, лето со мной не про- стилось, Это так показалось, Как год желтую рубаху застегивает, Зеленую сняв. И сердцу приятна смена цвета – Перекрашивание земли, Как будто художник над холстом накло- нился, И все, что спешило и суетилось, Остановилось и успокоилось.</p>
---	--

Текст самоперевода на русский выглядит следующим образом (в нем предпринята попытка максимально сохранить ритмические особенности оригинала):

Мне лето прошептало: «Будь здорова!»
 И скрылось снова
 В те дали, где не опадают листья,
 И где не спится
 Тяжелым сном цветам и прочей флоре;
 Луна не в горе,
 Что тьма ее накрыла вполонину,
 Тепло низринуть
 В отместку не стремится лютый холод,
 И это повод
 Вертеться как волчок на все четыре,
 Поняв, что в мире
 Ничто свой срок перечеркнуть не может,
 И лето — тоже,
 А потому исправить нужно шибко
 Свою ошибку.
 Но разум истину познать не хочет,
 Над ней хохочет.
 Твердит, что лето от меня не скрылось,
 Мне показалось,
 А лето просто в желтый облачилось
 И в нем осталось.
 И вот пропала грусть от смены цвета.
 Пожалуй, это
 Сравнимо с тем, как живописец старый
 Палитру ставит,
 И все, что лишь недавно суетилось,
 В холсте застыло.



Парциальный *неперевод* в этом случае реализуется в иных механизмах, запускаемых в действие той же стратегией, напрямую связанной с аффективной привязанностью к миноритарному идиому, который остается в тени доминантного идиома. Главным движителем выстраивания переводного текста становится ритм, и ему подчиняется лексический выбор, поэтому в переводе пропадают оригинальные образы эрзянского текста: *ковось прок кубо* 'луна — как горбушка', *кода иесь ожо паянзо чочни*, *пижензэ каязь* 'как год желтую рубаху застегивает, зеленую сняв' и т.п. *Неперевод* захватывает самые яркие, «сильноударные» элементы оригинала, значимые для его содержательного своеобразия, — и в этом смысле такое их опущение сравнимо с *непереводом* юэской традиции, где чрезвычайно семантически нагруженные юэские элементы, маркеры отличия, инаковости, выпадают из переводной версии.

Переводная версия текста не является ни полностью автономной от оригинала, ни «просто переводом»: в нее заложен перформативный смысл демонстрации языкового различия, пропасти между идиомами. Как и многие современные мультиязычные писатели, создающие тексты в тени «большого» идиома, миноритарные поэты сталкиваются с языковой дилеммой. Не существует единого нейтрального идиома, на который они могли бы бездумно опираться — вместо этого они должны совершать сложный выбор между вариантами своего родного, локального идиома, доминантным стандартом или их комбинацией.

Попытка расширения читательской аудитории за счет перевода на «большой» идиом в то же время опирается на стратегию *неперевода*. Поскольку перевод считается коммуникативным актом, поэтический *неперевод* не столько пытается передать читателю некое сообщение, сколько стремится подчеркнуть неспособность читателя полностью понять это сообщение, заполняя пробел между языком стихотворения и читателем. Он сигнализирует о глубине культурного и исторического опыта, который читатель, владеющий только доминантным идиомом, не может разделить. Стихотворение обращается в непереволимый «излишек» смысла, утрачиваемый при переводе, — то, что Венути называет «остатком», который представляет нечто большее, чем «передача однозначного смысла и вместо этого обращает внимание на условия коммуникативного акта, условия, которые в первую очередь являются языковыми и культурными, но в конечном итоге охватывают социальные и политические факторы» (Venuti, 1995, p. 471). Этот «остаток» составляет самый смысл существования стихотворения.

Ключевым моментом здесь выступает то, что переводящий придерживается «этики различия». Независимо от избранной тактики переводящий осознает наличие и значимость «несхождения» между локальным и «официальным» идиомом, его исторический контекст и, по крайней мере в рассматриваемых здесь работах, перформативный характер такого «несхождения».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.



Список литературы

- Дрейзис Ю.А. Соотношение устного и письменного в поэзии на тополектах // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. №2. С. 121 – 133.
- Портал национальных литератур. Эрзянский язык. 2022. URL: <https://rus4all.ru/тув/> (дата обращения: 12.10.2022).
- Рикёр П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / пер. М. Эдельман // Esprit. 1999. №253. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> / (дата обращения: 12.10.2022).
- Ситдиков А. Г. Введение в этногенез народов Поволжья и Приуралья : учебно-методич. пособие для студентов, обучающихся по спец. «История». Казань, 2008. Ч. 1 : Истоки этногенеза финских народов.
- Cordingley A. Introduction: Self-translation, going global // Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture. L., 2013. P. 1 – 10.
- Gibeau M. Indigenization and opacity: Self-translation in the Okinawan / *Ryūkyūan* writings of Takara Ben and Medoruma Shun // Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture. L., 2013. P. 141 – 156.
- Mair V.H. Mutual Intelligibility of Sinitic Languages // Language Log. 2009. URL: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=1211> (дата обращения: 12.10.2022).
- Mee Ling Lai. Cultural identity and language attitudes – into the second decade of postcolonial Hong Kong // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2011. Vol. 32, №3. P. 249 – 264.
- Palmer R. Gadamer's recent work on language and philosophy: On "Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache" // Continental Philosophy Review. 2000. Vol. 33. P. 381 – 393.
- Romaine S. Bilingualism. Oxford, 1995.
- Snow D. Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular. Hong Kong, 2004.
- Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. L.; N. Y., 1995.
- Оуян Цзюэя 欧阳觉亚. Сравнение и изучение путунхуа и кантонского диалекта (Путунхуа гуанчжоухуа дэ бицзяо юй сюэси) 普通话广州话的比教与学习. Пекин, 1993.
- Редотдел журнала «Цзы хуа» 字花編輯室. В один голос, но не в едином порыве – еще раз о письме на юэ (Тун шэн м тун ци – юэюй сецзо цзешао фань) 同聲唔同氣——粵語寫作介紹返 // Цзы хуа 字花. 2014. URL: <https://zihua.org.hk/magazine/issue-29/article/writing-cantonese/> (дата обращения: 12.10.2022).
- У Вэй 伍巍. Юэский язык (Юэ юй) 粵語 // Фанъянь 方言. 2007. №2. С. 167 – 176.

Об авторе

Юлия Александровна Дрейзис, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия; доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com



Для цитирования:

Дрейзис Ю. А. Стратегия и практика парциального неперевода в современной поэзии (на примере гонконгских и российских авторов) // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 74–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

STRATEGY AND PRACTICE OF PARTIAL NON-TRANSLATION
IN CONTEMPORARY POETRY (A CASE STUDY
OF HONG KONG AND RUSSIAN AUTHORS)

Yu. A. Dreyzis

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5

The paper centers on the phenomenon of non-translation in the texts of bilingual poets who perform self-translation into the lect of a dominant, 'larger' tradition (Putonghua / Russian). Non-translation is set in motion in the conditions of enhanced linguistic reflection of its authors and serves as a marker of a special affective connection with a lect that is permanently associated with a weaker position. Paradoxically, the attempt to expand readership by translating into 'larger' lects relies on the strategy of non-translation. Non-translation captures the most content-laden elements of the poem, which in the original serve as a sign of the otherness of the cultural tradition correlated with the text. In this sense, non-translation has a performative character, since its very production emphasizes the critical difference and delimitation of linguistic and cultural traditions.

Keywords: *bilingualism, Erzya, minority languages, self-translation, topolect, translatability, Yue*

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Cordingley, A., 2013. Introduction: Self-translation, going global. In: *Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture*. London, pp. 1–10.

Dreyzis, Yu. A., 2022. Correlation of the oral and the written in topolect poetry. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2, pp. 121–133, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-2-6> (in Russ.).

Gibeau, M., 2013. Indigenization and opacity: Self-translation in the Okinawan/Ryūkyūan writings of Takara Ben and Medoruma Shun. In: *Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture*. London, pp. 141–156.

Mair, V.H., 2009. Mutual Intelligibility of Sinitic Languages. *Language Log*. Available at: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=1211> [Accessed 12 October 2022].

Mee Ling Lai, 2011. Cultural identity and language attitudes – into the second decade of postcolonial Hong Kong. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 32 (3), pp. 249–264.



Ouyang Jueya 欧阳觉亚, 1993. *Putonghua Guangzhouhua de bijiao yu xuexi* 普通话广州话的比教与学习 [A Comparison and Study of Putonghua and Cantonese]. Beijing (in Chinese).

Palmer, R., 2000. Gadamer's recent work on language and philosophy: On «Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache». *Continental Philosophy Review*, 33, pp. 381–393.

Portal natsional'nykh literatur. Erzyanskii yazyk [National Literature Portal. Erzya language], 2022. Available at: <https://rus4all.ru/myv/> [Accessed 12 October 2022] (in Russ.).

Ricoeur, P., 1999. Translation paradigm. Lecture given at the Faculty of Protestant Theology in Paris in October 1998. *Esprit*, 253. Available at: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm/> [Accessed 12 October 2022] (in Russ.).

Romaine, S., 1995. *Bilingualism. Second edition*. Oxford.

Sitdikov, A.G., 2008. *Vvedenie v etnogenez narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Chast' 1: Istoki etnogeneza finskikh narodov: uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Istoriya»* [Introduction to the Ethnogenesis of the Peoples of the Volga and Ural Regions. Part I. The Origins of the Ethnogenesis of the Finnish Peoples: A Teaching Aid for Students in History]. Kazan. (in Russ.).

Snow, D., 2004. *Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular*. Hong Kong.

Venuti, L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London; New York.

Wu Wei 伍巍, 2007. *Yue yu* 粤语 [The Yue Language]. *Fangyan* 方言 [Topolect], 2, pp. 167–176 (in Chinese).

Zi hua bianjishi 字花編輯室 [“Fleurs des Lettres” Editorial Board], 2014. *Tong sheng m tong qi – yueyu xiezuojieshao fan* 同聲唔同氣——粵語寫作介紹返 [One Voice Different Manner – An Introduction to Cantonese Writing]. *Zi hua* 字花 [Fleurs des Lettres]. Available at: <https://zihua.org.hk/magazine/issue-29/article/writing-cantonese/> [Accessed 12 October 2022] (in Chinese).

The author

Yulia A. Dreyzis, Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia; Assistant Professor, Chinese Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com

To cite this article:

Dreyzis, Yu. A., 2023, Strategy and practice of partial non-translation in contemporary poetry (a case study of Hong Kong and Russian authors), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 74–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5.

